Т. М. Колядич

ПОИСКИ СВОЕГО ЛИЦА. СТАНОВЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ВОСПОМИНАНИЙ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Традиционно историю русских воспоминаний начинают с XVIII века, когда петровские преобразования потребовали активного участия в событиях, впечатления от которых авторы и стремились запечатлеть в традиционной для эпохи Просвещения форме записок. Известно, что ни одна форма не возникает произвольно, а имеет свою историю появления, становления и развития. В настоящей статье и предпринята попытка разобраться, когда и почему началось формирование мемуарной парадигмы, какие структурные элементы в ней стали со временем доминировать, постепенно складываясь в целостную систему[1].

Изучение текстового пространства произведения как художественного целого признается исследователями одним из перспективных направлений, поскольку любое произведение представляет собой определенную систему со своей организацией пространства, времени, образной системы, набором определенных художественных приемов (в зависимости от жанровой парадигмы). В качестве материала для исследования привлечены наиболее заметные произведения древнерусской литературы. Отдельные замечания сопоставительного характера основываются на воспоминаниях писателей XX века, являющихся основным предметом исследования автора статьи[2]. Первоочередная задача связана с установлением типологических схождений и определением традиций развития жанровой парадигмы.

Первые включения биографического характера встречаются в литературе XI века. Подобным памятником, с точки зрения Н. Гудзия, является «Поучение Владимира Мономаха»: «С литературной стороны "Поучение" интересно как очень незаурядный образчик популярного в древней и средневековой литературе жанра поучений старших младшими, начиная от поучения Ксенофонта и Марии, вошедшего в Святославов Из-

борник 1076 г., и как первый на русской почве опыт автобиографического повествования»[9].

Упомянутая форма поучения диктовала свои формы подачи материала: наличие обращений, риторических вопросов, включений биографического характера. Обычно подобные вставки отличались конкретностью, четкостью, ясностью, запоминаемостью и не предполагали содержательную конкретику. Биографические включения основывались на признанной общественно-политической топике, в частности, императора сравнивали с солнцем, кормчим.

В «Поучении Владимира Мономаха» автор не боится выражать свои оценки, мнения, суждения, его текст более человечен и адресен. Приведем примеры. В частности, встречаем следующие обращения: «Поистине, дети мои...», риторические вопросы типа «Зачем печалишься, душа моя?». Повторяющиеся формулы позволяют поставить проблему читателя. Традиционно поучение предполагало обращение к определенной группе лиц, в данном случае, в отличие от Ксенофонта, речь шла о преемниках, наследниках государственной власти. Отсюда и включения религиозного и политического свойства: «Научись, верующий человек...». Мономах был глубоко верующим человеком, поэтому он и основывается на текстах религиозного содержания, стремится к просветлению окружающих. Среди собственно отступлений с парадигмой обращения отметим рассуждения о человеке («Что такое человек, как подумаешь о нем?»), о праведной молитве, о птицах.

Присутствующий в новейшей литературе читатель с функцией собеседника или двойника автора в древней литературе пока не получает «право голоса». Практически речь идет об условном читателе, отсюда и обращения как к детям, так и просто к собеседнику. Персонификация в несведущего читателя организуется в текстах более позднего времени.

Одно из обращений: «Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет...» – косвенно указывает, что Мономах писал свое поучение не только для близких родственников, но и адресовал к более широкой аудитории. Продолжение обращения традиционно для поучения: «он меня, грешного и худого, столько лет оберегал...». В поучениях и житиях авторское самоуничижение является общим местом, реализованным в устойчивых формулах типа «аз многогрешный».

Используя традиционные для подобных текстов клише, автор отграничивает одну мысль от другой и одновременно

оформляет графически выделенные отрывки. В новейшей литературе подобные формулы относятся к повторяющимся, они входят в общие повествовательные приемы. Именно обращения, риторические вопросы со временем превратятся не только в самостоятельные формулы, но и станут выполнять роль текстовых сигналов, позволяющих переводить повествование в разнообразные авторские отступления, акцентировать внимание читателя на сообщаемых автором сведениях.

Организация общих мест в виде лирических и прочих отступлений для древнерусской литературы пока только начинается, но в установленной нами повторяемости и закладывается традиция, которая позволяет говорить о началах текстовой организации определенного типа. Рассказу о жизни Мономаха предшествует моралистическое вступление, за которым следует конкретный рассказ о его жизни, где встречаем традиционные для воспоминаний включения, подтверждающие достоверность сказанного: «а остальных и не упомню меньших», «этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню». Сообщаются и косвенные сведения об авторе, правда, скорее констатируя формульное описание типа – «это моего собственного слабого ума наставление». Как отмечалось выше, автор обычно преуменьшает свои достоинства, чтобы подчеркнуть значимость описываемого.

Отмечаемые исследователем элементы личностного изложения событий в поучении проявляются в сообщаемых отдельных фактах личной жизни. Пока не приходится говорить о последовательном расположении фактов в задаваемой автором временной последовательности, то есть о развитии событий. Речь идет о «примерах», распространенной в древнерусской литературе форме, когда от одного факта автор последовательно перемещается к другому. Таков последовательный перечень военных событий, в которых принимает участие Мономах.

Обычно организовав подобные факты в заданной автором последовательности, используя свои записи и свидетельства времени, авторы новейшей литературы их интерпретируют и комментируют, решая задачу самопознания.

Пока о создании психологической картины души речи не идет, но известно, что Мономах творчески подошел к своему тексту, основная, первая часть поучения была впоследствии переработана автором. Следовательно, процесс переработки первоначального материала начался уже в XI веке, но пока он

носит формальный характер, связанный с углублением содержательной части.

Вместе с тем начало достаточно традиционно и характерно для воспоминаний позднего времени, где имеется вступление, где сообщается об авторе и его предках («Я худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славный, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов») и объясняются причины написания («И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите»)[4].

При «чистой» подаче фактов в «Поучении» можно говорить об относительно отсутствующей оценке «примеров», ведь форма поучения предполагает моралите – «поистине, дети мои, разумейте», «бога ради, не ленитесь, молю вас», ведь «малым делом можно получить милость Божию». Но не конкретную оценку личностного характера.

Организация автобиографического повествования предполагает также не только наличие записей индивидуального свойства, отражающих личное самосознание, но и одновременно выявление типа мышления времени автора. Как отмечает Д. Лихачев, Мономах придавал «огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли» (459), выражая в своих произведениях «те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине». Заметим, что стремление к идеалу, выведение формулы совершенного правителя не исключает введение и конкретных сведений бытового и житейского характера.

Поэтому одновременно указывается и на практический характер занятий государя: «Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на бирючей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился» (409).

Отметив биографические вставки, покажем своеобразие мировосприятия Мономаха, основанное на демонстрации системы своих жизненных ценностей. Во времена Мономаха подобные свидетельства воспринимались как источники определенной информации, отсюда и формульность изложения материала. В соответствии с избранной формой автор

создает идеальный образ собственного «Я», то есть образец правителя.

В соответствии с традицией обозначены ратные подвиги государя. «А всех путей 80 и 3 великих», – замечает Мономах. Правда, он описал не 83 великих похода, а только шестьдесят девять. Следование традиции проявилось в перечислении, последовательном назывании своих действий: «Здесь послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца». «...И ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами». Отметим интересное сравнение: «И облизывались на нас половцы точно волки...».

Однако и здесь проявляется личное начало: «И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский». Именно через подробности передается авторское восприятие событий: «пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска», «разбили сильное войско Белкатгина», «и половцы, не смея сойти с коней побежали к Суле в ту же ночь». К особенностям дискурса отнесем и используемую инверсию, единоначалия.

Интересна и система авторского времени, она проводится по временам года (известное рассуждение «как птицы небесные из рая идут» – об улетающих на зиму птицах), «на ту зиму», «и на весну посадил меня отец в Переславле», «и сидел я в Переславле три лета и три зимы»; по событиям, в частности военным («И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову»); религиозным праздникам – «И вышли мы на святого Бориса день». Косвенные упоминания позволяют говорить, что в отличие от канонических поучений, менее конкретных и характерных, поучение Мономаха позволяет вывести приметы времени и место действия.

Не случайно в своеобразно дополняющем поучение «Письме Мономаха к Олегу Святославичу» говорится: «потому что я человек». Такую рефлексию и передает Мономах, высказывая свои мысли, отчасти настроения и самооценки – «сам себя обличаю» (413), «не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным» (409).

Кроме того, в древнерусской рукописной книжной традиции можно встретиться с разного рода памятными записями. Даже в таком строго официальном жанре, как летописи, сохра-

нились личные оценки пишущего, взгляд на события глазами современников. Однако подобного рода включения были скорее исключением, чем правилом, их нельзя назвать самостоятельными жанровыми образованиями, где воля автора определяла бы развитие сюжета, расстановку персонажей. Произведения подчинялись определенным, каноническим для той или иной эпохи жанрово-этикетным нормам. В целом над ними, если употребить выражение А. Люблянской, довлел «безличный характер средневекового исторического повествования»[5].

Попытки самовыражения продолжаются в хождениях, которые интересны продолжающейся тенденцией создания законченного типа повествования. В них проблема авторского начала стоит не менее остро. Она проявляется в насыщении содержания разнообразными сведениями, автор не только рассказывает о собственном паломничестве, но и отчасти представляет те места, в которых побывал сам, тем, кто не мог совершить такое путешествие. По форме такие хождения являются переходными к путевым заметкам, доминировавшим в XVIII веке.

Конечно, появлялись и произведения, подобные по форме греческому проскинитарию, своеобразному путеводителю, предназначенному для тех, кто собирается в путешествие к Святым местам. Их можно сравнить с современными путеводителями, практическими рекомендациями для путников, поэтому они не становятся предметом нашего анализа.

Обозначим тенденцию к повествовательности, отличающую хождения и интересную нам для обоснования нашей идеи постепенной организации формы. Обычно хождения отличаются спокойной эпической интонацией, лирические отступления обозначаются в виде реакции на события, встречаются редко и проявляются в виде описания того необычного, что встретилось автору впервые и не встречается на его родине.

Пока не сформировалось представление о писательском труде, авторами хождений оказываются разные люди: купцы, монахи, паломники. Поэтому не приходится говорить об особых художественных достоинствах, часто текст представляет собой перечень, близкий к статейному списку. Отсюда обязательность структурной формы и косвенная объективность в соблюдении в рамках жанровой формы памятников. Е. Конявская видит в них две традиции: «близкая к путевым заметкам, характеризуется ярко выраженным субъективным и даже автобиографическим началом и является хождением в собствен-

ном смысле слова». «Автор хождения хочет рассказать о своем паломничестве и своим повествованием отчасти заменить подобное паломничество для тех, кто его совершить не может»[6].

Субъективное начало проявляется в авторских установках и авторском самосознании, представленных, в частности, в «Хождении игумена Даниила».

В более поздних памятниках, «характеризующихся ярко выраженным личностным и эмоциональным началом», уже виден сам автор с его характером, отмечаются отдельные попытки фиксации собственного психологического состояния. В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина постоянно повторяется мысль о том, что его ограбили. Хотя автор просто констатирует случившееся, выделение не случайно, ведь в путешествие он, скорее всего, отправился «под честное слово» и должен вернуть долг.

Особая интонация, использование инверсии: «И поплыли мы, заплакав» (447), «Тут родится краска да лен» (448) – создают эмоционально-экспрессивный стиль, усиливают повествовательную динамику. Авторизации способствует и ведение действия от первого лица, в преамбуле указывается, что «записи он своей рукой писал». Правда, перед нами скорее указание на психологическое состояние, чем подробное его изображение: «И разошлись мы, заплакав, кто куда...» (409).

Отметим особенности описания. Встречается перечень в виде своеобразного указания, некой заметки, которая может пригодиться в дальнейшем: «перец да краска, то дешево» (451). Отсюда и заданная стереотипность, по принципу отличия чужеземного, не всегда обладающего положительной характеристикой: «А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят». Своеобразным дополнением становится сетование на дороговизну.

Вместе с тем сообщается множество подробностей об обычаях, обрядах, особенностях жизни, одежде. «Разбойничают каферы, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухамеда не знают» (453). «В Индийское земле кони не водятся, в их земле родятся быки да буйволы – на них ездят и товар и иное возят, все делают» (451). Взгляд купца подмечает многие подробности, что «скот здесь кормят финиками», что «велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет». Некоторые понятия поясняются: тавы – индийские корабли. Очевидно, что автор использует две формы опи-

саний – краткую и развернутую, изобилующую разнообразными по типу подробностями, оба направления поисков станут использоваться в литературе Нового времени.

Продуктивность хождений сказалась в том, что присущее им повествовательное начало, использование разных деталей, авторизация описываемого позволили изменить форму в виде путевых записей, путевых записок (отметим произведения первого тридцатилетия XX века А. Белого, Б. Зайцева, Б. Пильняка, М. Шагинян, В. Шкловского, И. Шмелева, писателей разной художественной ориентации).

Форма путешествия, мотивы пути, странничества оказались необычайно востребованными в сложную и динамичную эпоху войн и революций[7]. Современный исследователь полагает, что жанр «хожений» просто «перешел» в литературу XX века, поскольку в нем сохранились основные особенности, свойственные жанру паломнических хожений: композиционное построение, образная система, тематика. Вместе с тем он указывает, что Б. Зайцев («Афон», «Валаам») «в древнерусскую традицию сложно вплетает западноевропейские мотивы и образы, а также черты светских путевых очерков»[8]. По мнению Глушковой, налицо стилизация, которая имеет внешние черты «хожений», но на самом деле «Афон» представляет собой более сложное структурное образование, в котором встречаются «авторское», «мемуарное» и «лирическое» начала, а также элементы эссеистического стиля.

Заметим, что обозначенная проблема синтеза несколько иначе звучит в древнерусском тексте, еще не ориентированном на выражение авторского «я» и допускающем стилизацию, контаминацию, использование клишированных формул, заимствованных у других авторов. Оригинальность текста во многом зависела от редакционной продуманности, выражавшейся в структуре текстов, расположении, в частности, материала, определенных сведений. Но оба приема – стилизация и синтез – однополярны, поэтому принцип контаминированного устройства текста станет использоваться авторами XX века с учетом древнерусской традиции.

Интересна и трансформация популярной, в частности в видениях, формы путешествия души или путешествия во сне.

В «Святом колодце» (1965) Катаев начинает похожее путешествие души, захотев вернуться назад и посмотреть в пространство. Так «возвращалась жизнь, погруженная в гипнотический сон». Формально автор находится на операционном

столе, и его переход в иное измерение связан с предстоящей операцией: «И я смирился, снова погружаясь в глубину таинственных сновидений, не достигающих до моего сознания – так глубоко они лежали на темном, неосвещенном дне той субстанции, которую до сих пор принято называть душой». Проводя последовательно лейтмотив: для того чтобы умереть, человек должен родиться, – Катаев обозначает происходящий с ним переход как жизнь «после смерти». Так ему оказывается проще вывести свои воспоминания.

Проблема вечности, поиски себя во времени, путешествие в пространстве Катаев продолжит в «Алмазном венце». Оценивая новую манеру писателя, столь отличную от реалистической парадигмы тетралогии «Волны черного моря», исследователи разделились на его сторонников и противников. Выдвигаемые нами в качестве гипотезы отдельные типологические схождения обуславливаются полученным писателями старшего поколения классическим образованием, предполагавшим знание древних авторов. Частотность использования библейских образов и ассоциаций в текстах первой трети XX века превышает подобные упоминания в более поздних произведениях[9].

Не случайно владение культурными кодами разных эпох входило в обязательную игру, характерную для начала века. Достаточно вспомнить ранние произведения самого Катаева («Сэр Генри и черт», «Растратчики») и поиски в его среде (произведения Ильфа и Петрова), чтобы убедиться в активном использовании форм былички, плутовского и авантюрного романов.

Очевидно, что подспудное использование сложившихся форм позволяло отойти от житийного описания своей жизни, конструирования по известной модели, когда собственная жизнь превращается в своеобразное повторение некогда прожитой великой жизни. Принято считать, что воспоминания оказывались одной из тех форм, где происходил процесс поиска новой парадигмы, создавалась модель героя автобиографического типа, проводился поиск психологической составляющей.

Возвращаясь к хождениям как форме, где конструируется алгоритм пути, заметим, что здесь же намечается и тенденция к номинации текстов, закреплении их за определенными авторами[10]. Рассматривая проявления авторского начала в древнерусской литературе, Е. Конявская выдвигает предположение, что отсутствие имени автора вовсе не отрицает наличия авторского начала в текстах. Как она замечает, «авторское со-

знание предполагает осознанность целей, наличие определенных эстетических принципов и идеалов, осознание своих задач. В зависимости от стадии развития литературы авторское сознание имеет свои особенности, осознавая свои цели и задачи, древнерусский книжник допускает возможности исправления его творения»[11].

Речь в первую очередь идет о композиционном членении текстов, специфике расположения материалов, о порядке цитирования и поиске равновесия между традиционным использованием устойчивой формулы и индивидуальным наполнением топоса. Следование канону вовсе не исключало возможности звучания авторского голоса, пусть и проявляющегося опосредованно.

С этой точки зрения интересно рассмотреть «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского». Оно выстроено по традиционной схеме: обращения, жизнеописания деятельности святого и совершенных им чудес, заключения. В традиционном вступлении, где происходит своеобразное самоуничижение пишущего, якобы недостойного столь великого замысла, вкрапливаются отдельные сведения об авторе: «сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба», затем «побудил я себя взяться и за другое повествование».

Вместе с тем встречаются и любопытные реплики: «вспоминая о жизни преподобного», «и вот, как я сказал». Рассказывается и о методике составления «жития»: «Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия... поведала мать его одному из братии, именем Федору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал, – он рассказывал мне – и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия» (323).

Последовательный рассказ со слов других свидетелей жизни святого косвенно документализирует сказанное (в частности, рассказ возничего, сведения, сообщенные автору монахом Иларионом об искушении его бесами, чернецом Иларионом о предвидении святым винных даров). Оно также свидетельствует о том, что автор жил в то время, когда были живы современники Феодосия, получается уникальное сочетание исторического материала, сведения из жизни преподобного с личностными свидетельствами.

Отметим, что сохранены и традиционные места, например описание чудес, среди них – видение огненного столпа, ука-

завшего на место будущей церкви. Но и здесь автор ссылается на другой источник, житие «святого и великого Саввы», косвенно подтверждая сказанное.

Соединение свидетельств и вымышленных фактов позволяет говорить о контаминационном характере произведения. Однако читатель не ощущает разнополярности различных по содержанию частей. Перед нами пример четко структурированной биографии, повествования с последовательно выдерживаемой сюжетной линией: «Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу – о том, что произошло после ухода тех отцов». «Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование, сделал я того ради...»; «Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном...».

Очевидно, что начинается длительный процесс организации субъектно-речевой сферы, наряду с книжной лексикой («Но не дремал и враг, боровшийся с ними», «великая радость», «божья благодать») встречаем и разговорные слова типа «пакостили бесы в доме». Правда, сохраняются и традиционные клише: «Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодари повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии».

Несомненно, законченный тип повествования, прагматично структурированный тест, умение подчиниться требованиям жанра свидетельствовали о писательской зрелости в Средние века. Работа со словом способствовала началу процесса создания личностного повествования. Не случайно слово «повествование» так часто упоминается в самом тексте. Произведение интересно и отражением конкретной судьбы.

Древнерусские жития создавались в соответствии с каноном и четко делились на жития мучеников (мучениц) и преподобных. Л. В. Солоненко дополняет этот ряд «женскими житиями», в которых постепенно расширяется состав действующих лиц и оказывается возможным применение агиографической схемы житий к женщине-мирянке.

В связи с нашим исследованием интересен раздел, посвященный житиям благоверных княгинь, свидетельствующий о том, что к XVII веку в житиях также прослеживается процесс открытия ценности человеческой жизни и стремление отразить ее состояние через форму плача. Новаторские черты про-

явились в следующих приемах: интерес к обычному человеку, появление множества бытовых реалий, наличие биографических сведений, сообщаемых очевидцем событий. Постепенная эволюция привела к развитию эмоционально-экспрессивного стиля, позволившего выразить чувства и ввести более широко повествование от первого лица.

Рассматривая особенности авторского стиля в сочинениях Аввакума, основанных на фактах личной биографии, Н. Демкова, в частности, отмечает, что в сочинениях других авторов эпохи позднего Средневековья и «переходной поры» встречаются приметы индивидуального стиля: «Эмоциональная экспрессивность текста, разговорная интонация свойственны публицистике Ивана Грозного, исповедальность тона может быть обнаружена в отдельных фрагментах сочинений Андрея Курбского или в сочинениях современников Аввакума; в личных посланиях царя Алексея Михайловича, в челобитной Василия Полозова, в сочинениях дьякона Федора, инока Авраамия и др.». По мнению исследователя, стилистические каноны традиционных жанров расширяются именно за счет живой разговорной речи[12]. Добавим также, что установка на разговорность предполагает введение повествовательной интонации и формы рассказа, разговора о произошедшем. В упомянутом нами житии Феодосия обнаруживаются повествовательные элементы, установка на рассказывание.

Рассмотрим во временной последовательности некоторые упомянутые исследователем формы. Первые образцы произведений, основывавшихся исключительно на фактах личной жизни авторов, появляются в России в XVI веке. В основном это «малые формы»: письма, дневники, записки. Наиболее известна «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», воспринимаемая как часть его эпистолярного наследия[13]. Исследователи отмечают, что новизна этого произведения, равно как и «Посланий Ивана Грозного», в том, что ярко выраженная личность автора проявляется через стиль, включающий как элементы разговорного языка XVI века, так и публицистические обороты, деловую лексику. Д.С. Лихачев отмечает такую интересную особенность, как игровой и ролевой характер переписки, смену тональности в зависимости от собеседника. Здесь же сохранились и традиционные приемы самоунижения пишущего («Ничем я не горжусь», 155), указания на его состояния («как жестоко я страдал»), обилие риторических обращений и вопросов. Важно, что передаются особенности уст-

ной речи, исследователь даже приводит список его излюбленных ругательств.

«Устность» стиля Грозного обуславливается ориентированностью на произнесение вслух, возможно, основная часть его переписки диктовалась. Налицо также имитация эффекта присутствия, одномоментности записи и процесса чтения, весьма распространенный прием в культуре XX века и в воспоминаниях в частности. Отсюда и формальность, афористичность стиля: «Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов – множество воинов...»

Упоминание писем требует введения определенных уточнений и допущений. Речь не идет о письмах в современном понимании этого слова как о сообщении между конкретными носителями. Форма писем как информативного жанра, в котором передавался и личный взгляд пишущего, его оценки, мнения, характеристики, создавалась в определенные исторические периоды, причем в весьма ограниченном временном промежутке, и оказывалась наиболее подвижной структурой, в которой повествовательное начало присутствовало далеко не всегда. Чаще они являлись носителями конкретного сообщения. Появление писем как структурного целого с определенным содержанием оказывалось возможным только при определенной авторской установке. В упомянутом случае такая ситуация и сложилась. Она объясняется и тем, что образы их создателя и собеседника конкретны и реальны, отсюда и многочисленные подробности, упоминания фактов личного характера (сообщение о рождении наследника Дмитрия), четкий выбор стилевой тональности, ролевая функция автора. Особую роль играет авторское языковое начало, позволяющее выразить субъектно-объектные отношения.

Своеобразным завершением поисков выражения авторского «я» становится «Житие протопопа Аввакума», показавшего, что формирование светской литературы происходило постепенно, и она нередко вбирала каноны духовной. Рассказывая о своем жизненном пути, авторы нередко продолжали идею святости, воспроизведенной в свое время в «Исповеди» Августина, когда собственная земная жизнь представлялась человеку житием. Иначе говоря, она связывалась с жизнью в Боге, а любое насылаемое несчастье – испытанием, уготованным свыше.

Одновременно автор следовал биографическим моделям античности и христианской традиции, отсюда соразмерность и выдержанность частей. Житие имело значение

как организационная форма, в которой упрочилась структура жизнеописания. Известно, что жизнеописания святых, давшие начало житийной традиции, строились на основе соединения черт античной биографии выдающейся личности и приемов эллинистического романа. И в русской литературе жанр жития существовал в двух параллельно развивавшихся разновидностях – краткой (проложной) и более подробной (минейной).

Новизна формы «Жития протопопа Аввакума» проявилась в контаминационности его формы, в которой соединились элементы биографии, жития и бытовой повести. Собственно автобиографические моменты соединяются в произведении с лирическими размышлениями и воспоминаниями. Одновременно автор вступает в полемику, воссоздает (в форме портретных зарисовок) образы своих противников и друзей. Получилось «житие» и «святого», и «грешника», и незаурядной личности, и человека, прожившего свою жизнь, прошедшего через определенные духовные и нравственные искания.

Очевидно, что, сохраняя общие структурные части, Аввакум начинает выстраивать метажанр, конструкцию, где соединяются разные формы, используя подвижность жития как формы, позволявшую соединить стилевые элементы различных жанров – богословских, фольклорных, новеллистических при доминирующем положении автобиографического начала, которое обусловило основную проблематику произведения, расстановку действующих лиц, характер авторских оценок и систему художественных средств.

Аввакум ломает традиционную схему жизнеописания, обычно состоявшего из краткого предисловия составителя, основной биографической части и заключительного восхваления. В его произведении отбор и расположение материала подчинены не отмеченной схеме, а обусловлены обстоятельствами жизни самого Аввакума. Из них отобраны наиболее важные и значительные события, отражающие общественную позицию автора, хотя традиция проявилась и в каноничности собственного описания в соответствии со стандартом мученика, страдальца за веру. Отсюда и использования стереотипных формульных обращений.

Изложение событий также необычно, повествование повернуто внутрь, обращено на самого себя, так автор смог углубить собственную характеристику. Повествование четко организуется формой от первого лица, что позволяет доверительно

и живо рассказывать о произошедшем, воздействуя на чувства читателя и привлекая его в качестве собеседника.

Типологические особенности «Жития протопотопа Аввакума» как формы косвенно подтверждаются практически одновременным созданием «Жития Епифания». Более пространное «Житие протопопа Аввакума» содержит в себе ту же схему. С одной стороны, сохраняются элементы житийной композиции текста и отдельные эпизоды, характерные для формы: упоминание родителей, рассказ о совершенных чудесах и традиционные характеристики героев, восприятие себя как мученика за веру.

Вместе с тем, подчеркивая автобиографический характер записей, исследователи справедливо отмечают, что перечень событий, внешне организованный как служение Господу, на самом деле подчиняется хронологической канве жизни их авторов, объяснению причин выбора пути, испытаниях и подвигах героя. Фактографическая составляющая строго организуется, жизненные факты располагаются в предопределенной последовательности, отбираются и выстраиваются в соответствии с сюжетной фабулой. Поэтому и запоминаются подробности, даже отделенные традиционными формулами типа «аз же грешный». Среди них описания публичной «казни» и претерпеваемых Епифанием мучений: «как первой языкъ мой палач отрезал, тогда яко лютая змея укусила»; «тогда у мене от тоя болезни кровь шла задним проходом»; «Аз же, грешный, внидох тогда во свою темницу, и трою умирал, и пять дней кровь из руки моея точилъ, смерти просил у Христа бога».

Несомненна и связь с «женскими житиями», обозначенными выше. Здесь также налицо стремление изображения внутреннего мира человека и создания портретной характеристики автора, а также соединение прямой и косвенной авторской характеристики.

Произошедшие в житиях второй половины XVII века внутренние изменения приемов организации формы отвечали запросам читателя, постепенно отходившего от чтения духовной литературы и нуждавшегося в появлении произведения не этикетного содержания. Ему были интересны рассказы о конкретных судьбах, основанные на конкретных жизненных фактах, наполненные живыми бытовыми подробностями. Отсюда и внимание к произведениям, где идеал человеческой личности видится не в абстрактном служении Господу, а в описаниях

реальных страданий и переживаний. Так постепенно происходил процесс самопознания конкретного «я» и начинал формироваться текст с доминирующим авторским началом.

Отмеченные особенности позволяют сделать вывод о том, что развитие форм авторского присутствия в повествовании приводит к разграничению изображающего и изображаемого, дистанцированию автора (повествователя, рассказчика) от героя (действующего лица произведения). Появляется форма жития-автобиографии, сознательно редактировавшихся и неоднократно переписывавшихся автором с целью организации действия и придания ему сюжетной занимательности. Одновременно возникает ретроспективная направленность повествования, предполагающая фиксацию точки повествования, смену крупных и общих планов изображения, «режиссерский» монтаж фрагментов. Кроме того, Демкова отмечает драматизацию повествования Аввакума, построение действия на конфликтных отношениях и, следовательно, сценичность организации.

Отступив от канона, Аввакум фактически начал игру с текстовым пространством, последующие мемуаристы превратили его в доминантный принцип, когда развился ассоциативный принцип подачи действия с многочисленными отступлениями, использованием приема воспоминания в качестве организующего, появились и рефлексивные рассуждения о методике создания текстов, авторском подходе.

Организуя авторский дискурс, Аввакум обратил внимание на языковую составляющую, усилив начатое предшественниками соединение высокой и низкой лексики. В его произведениях впервые сделана попытка описать личную жизнь автора, быт, нравы эпохи. Изображение личной жизни начинает соотноситься с историческими событиями[14].

Однако система литературных жанров ни русской, ни западно-европейских литератур вплоть до XVII века не знала автобиографии как самостоятельного жанрового образования[15].

Отмеченные особенности позволяют сделать вывод о том, что развитие форм авторского присутствия в повествовании приводит к разграничению изображающего и изображаемого, дистанцированию автора (повествователя, рассказчика) от героя (действующего лица произведения). Одновременно возникает ретроспективная направленность повествования, предполагающая фиксацию точки повествования, смену крупных и общих планов изображения, «режиссерский» монтаж фрагментов.

Перечисленные приемы станут ведущими в мемуарных текстах последующих столетий. Кроме того, мемуаристы используют и введенную Аввакумом подвижную схему построения жизнеописания, позволяющую как усиливать романную структуру, так и превращать ее в фактографическое повествование.

Однако созданные в прозе XVII века предпосылки для развития мемуарного жанра оставались невостребованными до второй половины XVIII века, когда сложились объективные условия для его развития.

Причина заключается в организации индивидуального самосознания создателей автобиографических сочинений, оно всегда возникает под влиянием сильных психологических потрясений, вызванных реакцией на конкретные события – петровские преобразования, – и является выражением потребности разобраться в тех переменах, которые происходят в стране и людях. Поэтому авторами первых мемуаров становятся «птенцы гнезда Петрова», свидетели и участники событий, повлиявших на изменения в социальной и духовной жизни общества, – И. Желябужский, А. Игнатьев, Б. Курагин, А. Матвеев[16].

Авторы подробно рассказывают о самих себе, запечатлевая собственное видение или, как говорят в таких случаях применительно к писателям Нового времени, создают яркий литературный автопортрет. Вместе с тем сохраняется традиция осознания себя как общественной личности, унаследовавшая идеалы древнерусской литературы и соответствующая представлениям эпохи Просвещения.

Отечественная форма записок (позже – воспоминаний) появилась под влиянием аналогичных жанров, уже существовавших в других культурах, прежде всего во французской литературе, и сформировавшихся как отдельное образование в XVIII веке. Использовавшаяся как синоним «воспоминаний» калька с французского «мемуары» обладала полисемантическим значением, как и русский аналог, предполагая не только структурное, но и содержательное знание: память; память, воспоминание, докладная записка; памятная записка; мемуары, воспоминания.

Отметим, что оба термина – воспоминания (записки) и мемуары – в течение длительного времени употреблялись как синонимы[17]. В настоящее время исследователи используют как аналог термин «мемуары»[18].

Индивидуальное самосознание проявлялось только в этих формах. Как показывают статистические подсчеты, проведен-

ные А. Тартаковским, в России, в отличие от Европы, не приходится говорить о «семейных книгах» и собственно автобиографиях: сочинениях купцов и «деловых людей», которые появляются в XIV–XVI вв.

Чтобы появились воспоминания, оказывался необходимым взгляд на автобиографию как на индикатор самосознания индивида, группы людей или эпохи в целом, процесс реконструкции, воспроизведение прошлого в виде воспоминаний, привлечение ассоциативных связей, диктующих определенную пространственно-временную систему. Последний принцип оформится позже, в XX веке, пока же речь идет о формировании отдельных элементов.

Биографическая составляющая проявилась в XX веке в нескольких формах: биографических повествованиях (романах и повестях о значимых для автора текстов личностях) и собственно воспоминаниях.

Первая форма связывалась с поиском своего пути в искусстве, восприятия себя как избранного. Предопределенность собственной жизни, восприятие ее как пути, служения приводили к мифотворчеству, моделированию, создавались мифологизированные биографии в среде символизма (творческие поиски В. Брюсова, А. Белого, письма А. Блока). Позже тенденция сохранилась в мифологических биографиях писателей социалистического реализма, когда соблюдалась строгая схема жизнеописания и любые уклонения воспринимались как нарушение реалистической точности. Напомним, что так возникла тенденция к документальному подобию, когда полагалось, что биография писателя и описанное им в виде воспоминаний соответствуют его взглядам

Отсюда и отступления от структуры жизнеописания, когда повествование начало организовываться как сплошной текст, в девяностые годы, например произведения В. Алейникова, Дм. Бобышева, С. Гандлевского. Упоминание в первую очередь имен поэтов не случайно, им свойственен особый дискурс, пояснение находим у Дм. Бобышева.

В интервью о книге «Я здесь» он замечает о своем тексте: «Когда я начал эту работу, у меня сложилась идея, что, пока я пишу, моя жизнь переходит в текст, и в процессе перехода это и то и другое – и жизнь, и текст. ⟨...⟩ Время там гуляет. Автор вспоминает свою жизнь, но в свободном порядке, он может переходить из прошлого даже в будущее, из одних слоев прошлого в другое. С современными оценками и в то же время с

попыткой восстановить те реакции на события, которые были тогда. Если это получается в виде свободного речевого потока, это и есть человекотекст». Пространная цитата как раз и позволяет обозначить общую тенденцию.

Лейтмотивом методики описания, своеобразным ключом могут стать слова Н. Берберовой, для которой главное – собственная личность («читатель смотрит в себя, читая меня»). Она побуждает читателя к «пробуждению сознания», так создается личная биография.

Несмотря на доминирующую повествовательную, дискурсивную организацию подобных текстов, все же структурированность воспоминаний несомненна, она проявляется в первую очередь в событийной организованности и однонаправленности из прошлого в настоящее и будущее с возможными ассоциативными переходами и включениями, имитирующими одномоментного с процессом чтения процесса создания.

Рассмотренные нами жанры поучения, хождения, жития и сборника писем показывают направления движения формы, в которой авторское начало оказалось наиболее выраженным: от обращений, отдельных клише и формул к открытому дискурсу, настрою на разговор с читателем, воображаемым собеседником, дневником. Пройдет ряд столетий, прежде чем сформируется принцип диалектического изображения человека («диалектика души») и методика ассоциативной организации потока событий как воспоминаний о случившемся. Традиционные характеристики сменятся указаниями на психологическое состояние личности и приведут к субъективному описанию событий.

Начавшаяся в поучениях конструированность автобиографического повествования продолжилась в «Житиях», одном из лидирующих жанров в древнерусской литературе. Здесь образовалась биографическая парадигма, проявившаяся в предопределенности изображения портретируемого, его жизнеописание проявлялось на фоне определенных временных ситуаций, обращалось внимание на авторское его видение, собственная точка зрения сверялась с мнением других современников и таким образом документализировалась. К XVII веку четче прописывалась бытовая составляющая, памятники становились бесценным источником сведений о жизни, обычаях, системе взаимоотношений, питании и одежде. В Новое время на этой основе произойдет выделение подробности как доминантной особенности и разовьются разные виды деталей.

Конструктивные особенности формы житий сказались в структурной целостности воспоминаний, использовалась модель, состоящая из вступления, основной части, заключения. Воспоминания писателей строятся в одной и той же сюжетной схеме, где в заданной последовательности, направленной обычно из прошлого в настоящее, но с разной степенью полноты, воспроизводятся те или иные периоды биографии или этапы жизни автора. Отметим среди них в первую очередь события, относящиеся к детству, отрочеству, юности или занятиям литературной деятельностью (зрелости). Как замечает Д.Гранин: «В воспоминаниях прошлое не раскрывается, а конструируется. Конечно, сохраненные памятью детали принадлежат реально бывшему, но в единую картину их складывает сегодняшнее разумение былого, а не тогдашнее»[19].

Внутри организуемой автором сюжетной схемы текстового пространства встречаются части, также отличающие именно мемуарный текст: так называемые общие места – зачины и узловые точки. По содержанию зачины посвящаются объяснениям причин написания воспоминаний, истории семьи или рода автора, описанию будущей структуры воспоминаний. Иногда повествование начинается со своеобразного представления автором содержания, того, о чем он хочет рассказать своему читателю: «Эта книга – не воспоминания. Эта книга – история моей жизни, попытка рассказать эту жизнь в хронологическом порядке и раскрыть ее смысл».

В подобных авторских отступлениях также иногда даются предварительные сведения о той среде, о которой пойдет речь в основном повествовании. В ряде случаев писатели выделяют подобные вступления не только как внесюжетные элементы, но и организуют их в отдельные главы – «Вместо предисловия» (М.Слоним, «Воспоминания»), «Трудная профессия. Вместо предисловия» (Г.Мунблит, «Давние времена»).

Подобные описания предшествуют рассказу о жизни автора, входят в повествование в виде начального описания основной картины действия или размещаются в основном тексте. Они являются своего рода опорными топосами, вокруг которых разворачивается действие, повествование о некоем этапе из жизни героя. Иногда они открывают главу или эпизод из жизни персонажа.

Организация топосов началась именно в древнерусской литературе, мы отмечали поэпизодное построение произведений, перемещение в пространстве от одного случая, происше-

ствия к другому. Они активизируются авторскими обращениями, вводными конструкциями, традиционными формулами с парадигмой описания «помню».

Чаще всего общими местами становятся подробные описания места действия, изображения сходных переживаний и проявлений чувств. Так, большинство мемуаристов пишет, что в детстве их волновали проблемы страха, трусости, одиночества.

Подобные описания предшествуют рассказу о жизни автора, входят в основное повествование в виде начального описания основной картины действия или размещаются в основном тексте. Они являются своего рода опорными топосами, вокруг которых разворачивается действие, повествование о некоем этапе из жизни героя. Иногда они открывают главу или эпизод из жизни персонажа. Подробные описания места действия позволяют автору организовать пространство и одновременно локализовать его во времени, даже если писатель ограничивается семейно-бытовыми событиями.

При этом действие вращается внутри некоего предопределенного заранее места действия, тщательно прописываемого и определяемого. Стремление мемуаристов к конструированности, особому построению своих произведений, позволяет говорить о существовании общей повествовательной модели. Причем конструирование модели детства помимо установления внешних границ повествования, разделения авторского плана и плана героя часто проводится и во внутренней структуре.

Созданию архетипической модели способствует и определенная идеализация прошлого. Мемуарист всегда представляет собственное видение случившегося, умалчивая об одних событиях и выдвигая в центр то, о чем считает нужным рассказать. В мемуарном повествовании условная ситуация приобретает особое значение. Создавая художественную реальность, автор основывает ее не на вымысле, как в любом другом художественном произведении, а на конкретных фактах личной биографии. Мемуарист может создать образ мира, полностью отличный от того, в котором он жил, в рамках некоей условно-мифологической ситуации.

Отмечается и идеализация прошлого, проявляющаяся через особую «ностальгическую» интонацию. В структуре она выражается через создание особого («золотого») мира детства, утраченного навсегда рая (произведения писателей русского зарубежья). Очевидно, что в последнем случае восприя-

та другая традиция, связанная с раскрытием определенного нравственного идеала.

Появление воспоминаний и расширение описаний психологических свойств конкретной личности в России, как и в других странах, обуславливалось интересом к человеку, его внутреннему миру. Появившись по аналогии с формами, существовавшими в иных культурах, отечественные воспоминания смогли вобрать опыт развития отечественного фольклора и древнерусской литературы.

Своеобразный контаминационный характер обусловил особое воспроизведение событий личной жизни, она выстраивалась в одном ряду с историческими событиями, которые прямо не описывались, давалась реакция на них. Свойственное европейской традиции описательное начало, повествовательный дискурс характерно для отечественных воспоминаний второй половины XX века, поскольку доминировала событийная составляющая, перечисление событий, которую находим в поучениях, хождениях и житиях. Автобиографическая составляющая проявлялась в обращениях, отступлениях и речевых особенностях.

В воспоминаниях оказался востребованным и опыт организации временного поля, от статически постоянного к эмоционально-авторскому. Оказалось возможным не замыкаться в конкретном топосе с неподвижной цикличной моделью времени, но и использовать сюжетные смещения, расширяя временные границы. Вводились и многочисленные отступления, при этом сохранялась формульность описаний, позволявших отделить один эпизод от другого, как и в древнерусской литературе.

Неоднозначность оценок упомянутых нами форм, восприятие их как новаторских произведений объясняется именно их многокомпонентностью, они содержат не только сведения автобиографического свойства, но и материалы, связанные с жизнью и профессией пишущего. Среди них, например, сведения о походах, описания важнейших политических событий, виденных им достопримечательностей, церковных дел, природы, быта монастырей.

От автобиографической и мемуарной литературы более позднего времени их отличает не только обилие «посторонних» тем, но и крайне овеществленный характер самого изображения. Автор не раскрывает перед читателем свою душу, не подвергает дотошному анализу свои мысли и чувства, как

это делают писатели более позднего времени (Монтень или Руссо), но предпочитают говорить преимущественно о своих поступках. Отсюда и перечисление случившихся с ним событий, множественность различных сведений.

Сюжетная структурированность, строгое расположение частей, воспроизведение периодов жизни автора, система устройства пространственно-временной системы основывались именно на усвоении традиции. В дальнейшем автор предполагает остановиться на отдельных составляющих, в первую очередь архетипах и константах, также имеющих отечественные и мировые аналоги.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей XX века: Дис. ... док. филол. наук. М., 1999 – www/vipkm.ru

[2] См.: *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей XX века. Монография. М., 1998.

[3] Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н. Гудзий. Учеб. пос. М., 1973. С. 35.

[4] Поясним, что речь идет об отрывках из Псалтыри, произвольно взятых Мономахом и частично приведенных в тексте, ранее текст книги часто использовался для гаданий, такой прием и использовал Мономах, чтобы отобрать значимые для него поучения (отсюда и название его произведения).

[5] *Люблинская А.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1965. С. 65.

[6] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV века). М., 2000.

[7] О конструировании повествования в подобного рода текстах см.: *Сазонова Л.* Идея пути в древнерусской литературе // Rus. lit. Vol. 29. Amsterdam, 1991. № 4. P. 411–472; *Лотман Ю.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. II. С. 210–216.

[8] *Глушкова Н.* «Паломнические "хожения"» Б. Зайцева и «Валаам»: К проблеме жанра // Проблемы эволюции русской литературы XX века: Мат-лы межвуз. науч. конф. М., 1997. С. 61.

[9] Автор статьи начал исследование подобных типологических схождений в своих публикациях и предполагает в дальнейшем более подробно к ним обратиться на уровне констант, эпитетов и вечных образов.

[10] Заметим, что современные исследователи верно считают анонимность доминантным признаком древнерусской литературы (*Солоненко Л. В.* Поэтика древнерусских женских житий. Владивосток, 2006). Но они уже отмечают и движение в сторону новых путей изображения человека, которое «приводит вначале к описанию отдельных психологических состояний, а затем к открытию женского характера» (с. 20).

[11] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника. С. 50.

[12] *Демкова Н.* Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // *Демкова Н.* Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. Мат-лы и исслед. СПб., 1998. С. 211.

[13] Подробную характеристику находим, например, в публикации «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» / Текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л., 1979.

[14] *Лихачев Д.* Иван Грозный – писатель // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 465.

[15] См., например: *Лихачев Д.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. М., 1963. С. 47–70; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 120–121, 127.

[16] История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Науч. рук., ред. и введ. П. Зайончковского. М., 1976. Т. 1. XV–XVIII века.

[17] Термины «мемуарная проза», «мемуарная литература», «мемуаристика» часто используются как синонимичные. Точнее использовать термин «мемуарная литература» или «мемуары», поскольку воспоминания могут быть написаны и в прозаической, и в стихотворной формах. Иногда употребляется термин «мемуаристика», которым наряду с термином «мемуарная литература» обозначают «всю совокупность бытующих в данную эпоху мемуаров как изданных, так и рукописных», замечает, в частности, А. Тартаковский (1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 4).

[18] См., например: *Демидова О.* Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб., 2003.

[19] *Гранин Д.* Время стыда. М., 2003. С. 56.